

Опубликовано: на сайте Петровской академии наук и искусств 16 декабря 2021 г. - <http://петрани.рф/новости/оккупация-города-верхневолжска-в-книгах-бориса-полевого>

Владимир Осипов и Елена Радчук

Никто не забыт, ничто не забыто!

Оккупация города Верхневолжска в книгах Бориса Полевого. Персонажи писателя и их калининские прототипы

Аннотация: В год 80-летия освобождения Калинина от немецко-фашистских захватчиков авторы статьи провели на основе рассекреченных архивов, документов Великой Отечественной войны, свидетельств очевидцев и художественно-документальной прозы Бориса Полевого комплексное военно-историческое, литературно-критическое, краеведческое и человековедческое исследование обстоятельств оккупации и её снятия со столицы Верхневолжья в 1941 году.

В исследовании, дополненном историческими фото материалами, рассказано о героических подвигах калининцев, которые нашли своё отражение в книгах Б.Н.Полевого — земляка авторов статьи. Приведено описание разведывательной операции Управления внешней разведки НКВД СССР в Калинине под церковным прикрытием с названием «Послушники».

В результате архивных поисков выявлены имена и биографические истории представителей командования оккупационных войск. А также — жителей города, которые пошли служить врагу. Дана характеристика коллаборационизма как явления Второй мировой войны. Приведены факты разграбления культурно-исторических и художественных ценностей из Калининского областного музея.

В работе высказана высокая оценка, как личности Бориса Полевого (Кампова), так и его произведений, которые повествуют о реальных подвигах реальных героев Великой Отечественной войны: «Повесть о настоящем человеке», «Глубокий тыл», «Доктор Вера», «Вот и дома».

Концовка статьи содержит очерки семейно-родовой истории В.Г.Осипова и Е.Е.Радчук, непосредственно связанные с оккупацией Калинина и работой комбината «Пролетарка».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупация Калинина, зверства немецко-фашистских властей, подвиг Л.П.Тихомировой (Доктора Веры), операция «Паломники», творчество Бориса Полевого, коллаборационисты, Морозовская фабрика и Морозовский городок, район «Пролетарка».

The occupation of the city of Verkhnevolzhsk in the books of Boris Polevoy. The writer's characters and their Kalinin prototypes

Vladimir Osipov and Elena Radchuk

Tver city, Russia

Peter's Academy of Sciences and Arts

Resume: In the year of the 80th anniversary of the liberation of Kalinin from the Nazi invaders, the authors of the article conducted a comprehensive military-historical, literary-critical, regional and human history study of the circumstances on the basis of declassified archives, documents of the Great Patriotic War, eyewitness accounts and fictional and documentary prose of Boris Polevoy. occupation and its removal from the capital of the Upper Volga region in 1941.

The study, supplemented with historical photo materials, tells about the heroic deeds of the Kalinin people, which are reflected in the books of B.N. Polevoy, the compatriot of the authors of the article. The description of the intelligence operation of the Foreign Intelligence Directorate of the NKVD of the USSR in Kalinin under the church cover called "Novices" is given.

As a result of archival searches, the names and biographical histories of representatives of the command of the occupation forces were revealed. And also - the inhabitants of the city who went to serve the enemy. The characteristic of collaborationism as a phenomenon of the Second World War is given. The facts of plundering of cultural, historical and artistic values from the Kalinin Regional Museum are given.

The work expressed a high assessment of both the personality of Boris Polevoy (Kampov) and his works, which tell about the real exploits of real heroes of the Great Patriotic War: "The Story of a Real Man", "Deep Rear", "Doctor Vera", "That's Houses".

The end of the article contains essays on the family history of V.G.Osipov and E.E. Radchuk, directly related to the occupation of Kalinin and the work of the Proletarka plant.

Keywords: the Great Patriotic War, the occupation of Kalinin, the atrocities of the German fascist authorities, the feat of L.P.Tikhomirova (Doctor Vera), Operation "Pilgrims", the work of Boris Polevoy, collaborators, the Morozov factory and the Morozovsky town, the Proletarka area.

Заканчивается 2021 год — восьмидесятый год скорбной памяти начала самого грозного и самого эпического по историческим последствиям и народному героизму события XX века в истории России. 16 декабря 2021 года Тверь отметит один из самых важных праздников в своей новейшей истории – 80-летие со дня освобождения города Калинина от немецко-фашистских захватчиков, освобождение после двух месяцев оккупации первого областного центра в ходе Московского контрнаступления.

Мы, члены Тверского регионального отделения Петровской академии наук и искусств, вносим свой вклад в историческую копилку научной оценки этих знаменательных дат обращением к творчеству своего земляка писателя **Бориса Николаевича Полевого**.

Задача: исследовать и описать события оккупации столицы Верхневолжья, выявить и назвать имена реальных действующих лиц этой трагедии. Вспомнить о героических подвигах калининцев, которые оказали сопротивление захватчикам и о которых писал Б.Н.Полевой. Дать возможность современному читателю задуматься о высоте духа одних и низости нравственного падения других как способе увидеть и понять себя в зеркале чрезвычайных обстоятельств отечественной истории.

Наше время. Осеннее утро. Сквозь туманную дымку проступают величественные ажурные пролёты **Старого Волжского моста**. Таким его увидел сквозь объектив своей камеры один из авторов статьи, таким его видели осенью 1941 года литературные персонажи Полевого. Этот второй, после железнодорожного, стационарный мост из стали был построен в Твери в 1900 г. по проекту инженера **В.Ф.Точинского** и давно уже стал главной достопримечательностью и символом нашего города.

Мост — визитная карточка Твери, которая не весть сколько раз тиражируется в фотографиях, открытках, сувенирах, брендах и даже на многочисленных новых автобусах «Транспорт Верхневолжья».

Но нас он интересует, в первую очередь, как молчаливый труженик, покалеченный воин и равноправный герой, наряду с другими героями книг Б.Полевого, в которых рассказано о боевых и трудовых буднях города-фронта 1941-42 гг., города Воинской славы с 2010 года!

По этому мосту, что над Волгой-рекой, ездили с берега на берег пролётки и грузовые подводы, при царе-батюшке. Шёл рабочий люд Вагоностроительного завода на Первомайских демонстрациях, перед войной. Бежали с узлами и чемоданами в сторону Кашина жители Калинина, не желавшие оставаться под наступавшей немчурой страшным октябрём 1941-го.

С образа искалеченного моста, представшего перед изумлённым взором главной героини Анны Калининой, которая вернулась из эвакуации в только что освобождённый родной город, начинается **роман «Глубокий тыл»** Борис Полевой: *«Гордость города — красавец мост был взорван. Его центральный пролет свисал вниз, как оборванное кружево. Но саперы уже наметили вежами ледовую переправу»*.¹

На фотографии — взорванный фашистами Старый Волжский мост, который воспринимается нами как символ оккупационного насилия над древнерусским городом.

1. Герои книг и реальные герои

У Бориса Полевого написано много книг о войне, часть из них имеет прямое отношение к городу Калинин, восстановившему в 1990 г. своё историческое имя — Тверь,¹ и который он называет Верхневолжском. Это «Повесть о настоящем человеке» (1946 г.), роман «Глубокий тыл» (1958 г.), повесть «Доктор Вера» (1968 г.) и рассказ «Вот и дома» (1978 г.). Все они были написаны на основе его фронтовых дневников. Да, это идеологическая, агитационно-пропагандистская литература, ряд критиков называет её даже «идеологическим фэнтэзи». Но она — не фантазия, а скорее, художественно-документальная проза, пусть и идеологическая.

Задачей этой литературы было вызвать чувство презрения и ненависти к врагу, заклеить позором трусов и предателей, вдохновить советских людей на борьбу с фашистами. А в послевоенные годы — воспитать у молодых читателей глубокое уважение к подвигам своих отцов и матерей, старших братьев и дедов, которые отстояли нашу Родину в сражениях на фронтах; в тайной войне антифашистского подполья и в боевых вылазках партизан на оккупированной территории; в самоотверженной работе в тылу, не для красного словца названной «трудовым фронтом»!

И военный корреспондент газеты «Правда» на Калининском фронте Борис Полевой блестяще выполнил свою задачу. Да, у него есть и гротеск, и умолчание, и художественная психологическая игра. Но имеет это сочинительство и строгую документальную основу: Полевой использовал документы ГРУ, органов «Смерш», НКВД, сведения партизан и подпольщиков, он встречался с очевидцами событий тех лет, поэтому его книги следует рассматривать как достаточно серьёзный военно-исторический источник. Потому-то жанр, в котором он писал, и принято называть художественно-документальным.

¹ 17 июля 1990 года председатель Верховного Совета РСФСР Борис Ельцин подписал два указа Президиума ВС РСФСР - «О переименовании города Калинина в город Тверь» и «О переименовании Калининской области в Тверскую область».

*На снимке: советский литератор и военный журналист Б.Н.Полевой. Его настоящее имя — Борис Николаевич Кампов. Один из умных редакторов будущего писателя посоветовал ему заменить неблагозвучную фамилию Кампов её прямым переводом с латинского (*campus* – поле) на простую русскую — Полевой.*

Многие документы, с которыми нам пришлось работать в **Тверском центре документации новейшей истории** носили гриф «секретно» и даже «сов. секретно», и были не так уж давно рассекречены. Поэтому, естественно, что Полевому приходилось использовать «эзопов язык» и некоторую осознанную «неточность». Но многие его литературные персонажи имеют свои реальные прототипы; биографические данные, описание внешности, привычек, обстановки домов и квартир, что позволяет отождествить их с конкретными людьми, многих из которых хорошо знал наш знаменитый земляк. И это — факт!

Б.Н. Полевой (второй слева) на Калининском фронте

Начнём с повести **«Доктор Вера»**. Кто скрыт под именем доктора Трешниковой — «шпитальейтерин» (начальника больницы) в оккупированном Верхневолжске? Её прототипом была врач-ординатор первой городской больницы города Калинина **Лидия Петровна Тихомирова**. В семидесятые годы она, фронтовик и орденосец, была известна на всю страну как «доктор Вера», и получала письма со всех уголков Советского Союза.

Л. П. Тихомирова, прототип Веры Николаевны Трешниковой из повести Бориса Полевого «Доктор Вера» и одноимённого фильма режиссёра Дамир Вятнич-Березной, где роль доктора Трешниковой играет Ирма Рауша – жена режиссёра Андрея Тарковского.

При оккупации города часть гражданских больных и раненных красноармейцев эвакуировать не удалось. Полевой объясняет это тем, что на подступах к Калинингу санитарные машины попали под бомбёжку, а сопровождающий их врач (Дубинин) получил тяжёлое ранение. Тогда доктор Трешникова вывешивает над входом в больницу-бомбоубежище белый флаг Красного Креста и разворачивает русский гражданский госпиталь, где, несмотря на смертельную опасность, вместе с больными и ранеными жителями города, прячет и выхаживает солдат и офицеров Красной Армии.

Ей помогают женщины-работницы с текстильной фабрики «Большевичка» (реальное название — Калининский хлопчато-бумажный комбинат «Пролетарка»). Именно они собирают в голодном замерзающем городе гражданскую одежду, чтобы переодеть красноармейцев, и тем самым спасти им жизнь. В знаменитой 70-й казарме — «Париж» они также прячут и спасают еврейских детей.

Низкий поклон этим труженицам, которые работали, не жалея сил, на комбинате в довоенные годы; бились до последней минуты за исполнение оборонного заказа и, уходя из города, уничтожали оборудование, чтобы оно не досталось врагу; спасали несчастных от голода, ран и лютой смерти во время оккупации; а после освобождения восстанавливали разрушенное производство и свой город! Они настоящие реальные герои.

Кадр из фильма «Доктор «Вера»: в подземном госпитале советского доктора.

Сама **Лидия Тихомирова** родилась в 1904 году в Твери, в том же рабочем районе, на Пролетарке, в семье сапожника и ткачихи. Закончив медицинский техникум, работала медсестрой в Больничном городке у знаменитого хирурга **Василия Васильевича Успенского**. Диплом врача она получила в Москве и вернулась на работу к профессору Успенскому уже хирургом-травматологом. Он-то и стал прототипом грозного Кайранского, погибшего за операционным столом во время налета вражеской авиации. В реальной жизни доктор Успенский дожил до 1952 года, его имя сегодня носит областная клиническая больница.

Именно он стал прообразом хирурга — «сам Василь Василич», который спас жизнь летчику Алексею Мересьеву в самой знаменитой книге, в «**Повести о настоящем человеке**». В рассказе «Вот и дома» Борис Полевой называет своих героев подлинными именами.

В.В. Успенский, доктор медицинских наук, хирург, заслуженный

врач России.

После освобождения Калинина, с 1941 по 1945 годы, Тихомирова воевала в составе 100-й Львовской стрелковой дивизии. Дошла до Берлина. Кавалер двух орденов Красной звезды и ордена Отечественной войны. По возвращении с фронта продолжила работу хирурга-травмотолога. Была удостоена звания Заслуженного врача РСФСР. Ушла из жизни в 1988 году.

Повесть «Доктор Вера» написана в форме виртуального разговора Трешниковой с мужем Семёном, к которому она постоянно мысленно обращается, сверяя с его возможным мнением свои слова и поступки. Почему камертоном поступков своей героини Полевой выбрал именно его?

Одной из трагических страниц истории тверской партийной организации являлись репрессии второй половины 30-х годов, в результате которых погибли тысячи членов партии и беспартийных. Муж прототипа Трешниковой Лидии Тихомировой — **Сергей Павлович Никифоров** был среди них. Именно он, по словам самого Полевого, дал ему рекомендацию в комсомол. Полевой верил в его невиновность и отстаивал это в своих книгах. Никифоров вышел на свободу только в 1956 году после 18 лет Калымы, получив в награду за безупречную службу лагерную баланду от власти и бессмертие в повести Полевого!

Муж литературного доктора из повести «Доктор Вера» Семён тоже был коммунистом, партийным работником, который даже дочери дал имя вождя — Сталька, в полноте — Стали'на. Ему Полевой создал более оптимистичный вариант судьбы: тот был оправдан по материалам следственного дела своей жены после освобождения Верхневолжска.

Образ Анны Калининой, героини романа «Глубокий тыл» ткачихи, партийной выдвиженки, руководителя профсоюзного комитета «Большевички» соответствует реальной **Анне Степановне Калыгиной**, которая до войны была секретарём партийной организации города Калинина. Её прочили во вторые секретари Калининского обкома партии. Калыгина была репрессирована в 1937 году по обвинению в принадлежности к правой оппозиции. Именно она была непосредственным партийным руководителем Никифорова.

Были и другие реальные герои явной и тайной войны против оккупантов в поверженном, но не сдавшемся Калининe. Об одних Борис Полевой знал, о других нет. Да и не мог знать, хотя бы потому, что и мы-то узнали о них сравнительно недавно, после снятия с некоторых дел грифа «Сов. секретно» и публикации в 1992 г. воспоминаний «**Теперь я могу сказать правду**» другого советского писателя — **Зои Воскресенской**. Образ одного из них, правда в уничижительном виде, Полевой в своей повести всё же вывел.

В повести и в кадре из фильма «Доктор Вера» — сцена казни патриотов-подпольщиков на центральной площади Верхневолжска. Свёкор доктора Веры Павел Петрович Никитин отказывается от последнего причастия и, в повести, но не в фильме, плюёт в лицо священнику. Жест с позиций сегодняшнего дня, по меньшей мере, некрасивый. Но Борис Полевой — атеист и коммунист, не верящий, по крайней мере внешне, в «поповские бредни», несмотря на то, что его отца воспитывал дед — протоиерей **М.В.Миловский** и дал тому духовное образование во Владимирской семинарии. Да и герой его — рабочий «Пролетарки» П.П.Никитин воспринимает священника, приступившего к нему на казни с христианским утешением, как пособника фашистов.

Действительно, командование немецких войск и гражданская администрация в духе «нового порядка» поддержали возрождение церковной жизни в оккупированном Калинин. При поддержке бургомистра **Валерия Ясинского** в центре города возобновил работу закрытый при советской власти Вознесенский собор. Скорее всего, по Полевому, в этом соборе и начал церковную службу этот вымышленный «попик» Клавдий.

После освобождения Верхневолжска органы НКВД арестовывают отца Клавдия за пособничество врагу и, вместе с доктором Трешниковой, актрисой Ланской, полицией и несчастными «немецкими подстилками», препровождают в тюрьму! С точки зрения литературного сюжета произведения социалистического реализма, всё здесь — оправдано и логично. Но в действительности мы имеем дело с удивительным парадоксом реальной жизни, когда самая изощрённая писательская фантазия пасует перед **жестокой и восхитительной правдой войны**.

На самом деле, священнослужителем, который возобновил службу в Вознесенском соборе был епископ Житомирский владыка **Василий** (в миру — **Василий Васильевич Ратмиров**). И сделал он это не по приказу оккупационных властей и не по зову сердца, а по ... заданию советской разведки. Это была операция под церковным прикрытием «Послушники», организованная Управлением внешней разведки и её Особой группой по ведению разведывательно-диверсионной деятельности в тылу врага.

И было всё вот как. Владыка Василий, верой и правдой служивший Русской Православной Церкви, перенёс с нею все невзгоды и лишения постреволюционного времени: арестовывался, сидел в тюрьме, отбывал срок в Коми ССР. Отбыв незаслуженное наказание, служил в Житомире, но потерял свою епархию из-за стремительного наступления немцев. Не желая оставаться на оккупированной территории, приехал в Москву и получил церковное назначение в Калинин. Но

праведное чувство гнева против захватчиков, топтавших его землю и казнивших его прихожан, не оставляло ему возможности просто бродить по храму с кадилом — оно требовало, вопреки церковному уставу, взять в руки оружие. И мы знаем, что некоторые священники воевали, получали боевые ордена и с гордостью носили их потом на рясах рядом с епископской панагией.

Примем во внимание, и то, что, несмотря на террор против священников, уничтожение храмов, фактическое положение Русской Церкви вне закона, она уже 22 июня 1941 г. призвала молиться за победу Красной Армии и всячески помогать фронту.

Василий Ратмиров явился в военкомат и попросил отправить его на фронт «защищать Отечество от супостатов». Но судьба или Господь направили его чуть дальше — за линию фронта. Дело в том, что заявление «воинственного» батюшки попало к ведущему аналитику Управления внешней разведки НКВД СССР **Зое Ивановне Рыбкиной**. А перед её Особой разведывательно-диверсионной группой, которой командовал легендарный генерал **Павел Анатольевич Судоплатов**, в тот период была поставлена задача организовать в прифронтовом Калининском профессиональное подполье, на случай его сдачи. Так же, как это делали параллельно и по отношению к Москве.²

И у Рыбкиной — вот что значит женский ум, заострённый мужской аналитикой — родился совершенно неожиданный и рискованный план. Она вызвала отца Василия и предложила ему всё же поехать в Калинин. Но не одному, а с двумя офицерами советской разведки **Василием Михайловичем Ивановым** (оперативный псевдоним «Васько») и **Иваном Ивановичем Михеевым** (оперативный псевдоним «Михась») под видом его послушников и помощников. Но для этого им нужно было пройти ускоренный курс азов духовного училища. И епископ Василий взялся за это: на квартире Зои Рыбкиной и в кабинете Павла Судоплатова он обучал чекистов богослужению. Надо было иметь огромное мужество и силу духа, чтобы принять участие в такого рода операции. 8 августа 1941 г. состоявшаяся разведгруппа перебралась в пункт назначения и, после оккупации Калинина, успешно приступила к выполнению своего оперативного задания.

К этому можно добавить, что их секретно готовили и к диверсионной работе против высших чинов третьего Рейха: считалось по агентурным данным, что те вместе с Гитлером могут остановиться в Калининском, готовясь к своему параду в поверженной Москве.

Тот парад не состоялся, а состоялся 7 ноября 1941 г. парад советских войск на Красной площади, посвящённый 24-й годовщине Октябрьской революции, после которого началось Московское контрнаступление. Группа не провалилась и свою тяжёлую работу выполнила, хотя и теряла связь с Центром, а при освобождении попала «под раздачу» со стороны военной контрразведки. Подвиг разведывательной подпольной группы НКВД под церковным прикрытием в составе четырёх русских патриотов: епископа **Василия (Ратмирова)**, чекистов-разведчиков **Иванова** — руководителя разведгруппы и **Михеева**, а также жительницы Калинина радистки-шифровальщицы **Баженовой** отмечен

² В Москве минирование объектов и организацию городского подполья, в качестве его главного резидента, вершил заместитель Лаврентия Берии **Иван Александрович Серов**, который после войны стал первым председателем КГБ, в затем начальником ГРУ ГШ. Об этом рассказано (на стр. №96) в необыкновенно интересной книге, которая была создана на основе его тайных дневниковых записей, он их вёл с 1939 года:

Серов И.А. Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. - М.: Просвещение, 2016. - 704 с.

правительственными наградами.³

Это стало успешным началом операции «Послушники», в развитии же она оказалась долгосрочной и много ходовой. «Протодьяконы» Василий Иванов и Иван Михеев эвакуировались вместе с немцами под крыло митрополита **Сергия Воскресенского**, экзарха Прибалтики и одновременно ценного, высокопоставленного сотрудника советской разведки. Были внедрены им в Псково-Печёрский монастырь, откуда продолжили свою агентурную работу уже по противодействию готовящейся немцами операции «Цитадель» под Курском. Епископ же Василий оказался в Куйбышеве и был вовлечён в сложную «радиоигру» с абвером вместе с **Вильямом Фишером**, известным миру в качестве советского резидента в Соединённых Штатах под именем **Рудольфа Абеля**. Василий Ратмиров в конце войны получил от Сталина в качестве награды золотые часы. А Иван Михеев, который так вошёл в роль, что искренне поверил в Бога и, будучи уже полковником службы внешней разведки, принял монашеский постриг. Вот каковы жизненные парадоксы и тайны разведки!

Но и этого мало. Уж если мы прикоснулись к знаменитым произведениям советской литературы и к одному из её авторов, то невозможно не сказать ещё об одном удивительном факте. Оказывается, полковник Зоя Рыбкина, которая готовила разведгруппу для заброски в Калинин, стала писателем, после своего несправедливого послевоенного увольнения из СВР. И каково же было наше удивление, когда мы прояснили себе, что она и **Зоя Воскресенская** — создатель книг о Ленине, которые мы добросовестно изучали в школе, одно и то же лицо! Ладно мы, но и её гражданские товарищи по Союзу писателей СССР недоуменно спрашивали 11 января 1992 г. на последнем прощании с ней: зачем здесь почётный караул, залпы из винтовок СКС, офицеры и молчаливые люди в штатском?..

2. Оккупанты

В планах немецкого командования городу Калинину отводилась важная роль как крупному промышленному и транспортному узлу, который планировалось использовать для захвата Москвы и Ленинграда и дальнейшего наступления на северо-восток европейской части СССР.

Войска группы армий «Центр» вошли в Калинин **14 октября 1941 года**. Северный пригород и Затверечье оставались под контролем Красной Армии. Бои в городе не прекращались ещё трое суток. Об этом подробно рассказано в сборнике Тверского регионального военно-исторического центра «Город-фронт — город воинской и трудовой славы».²

Только 17 октября город в основном перешёл под контроль немцев. На протяжении всего периода оккупации в Калинин и в непосредственной близости от него велись бои, сам город находился на военном положении. Ввиду важности этого оперативного района 19 октября 1941 года был образован Калининский фронт. **16 декабря 1941 года** в ходе Калининской наступательной операции город был освобождён частями 29-й и 31-й армий Калининского фронта. Общая продолжительность оккупации составила **62 дня**.

³ В Интернете есть об этом видеофильм «Священники из внешней разведки» в серии «Секретные материалы с Андреем Луговым» телеканала «Звезда» и более развёрнутый фильм «Операция «Послушники»» в серии «Тайны разведки».

На трофейном снимке немецкие солдаты охраняют въезд на Староволжский мост. Ноябрь 1941 года. Примечательна вывеска на переднем плане: «Wolga 14.X.41» - дата захвата моста, которая пришлась на православный праздник — день Покрова Пресвятой Богородицы.

Калининская ортскомендатура (восточная) имела номер 1/302, её возглавлял оберлейтенант **Меллер**, и подчинялась она командиру 161-й пехотной дивизии генералу **Рекке**. Прибыв в город, комендатура сразу же приступила к формированию гражданской системы управления и установлению «нового порядка». Во главе города была поставлена городская управа, возглавляемая бургомистром. Им стал **Валерий Амвросиевич Ясинский** (1895–1966?). Дворянин, штабс-капитан в армии Колчака, подполковник вермахта, затем власовец, активный деятель Русской освободительной армии (РОА). Брат Ясинского Виктор был офицером абвера.

В своих книгах Полевой упоминает о бургомистре Верхневолжска под именами Всеволода Раздольского, Сергея Винокурова, Виноградова. В романе «Глубокий тыл» он подробно описывает его глазами юной разведчицы Евгении Мюллер. Эта характеристика свидетельствует о том, что никакой реальной информации о Ясинском Полевой не имел. Только в рассказе «Вот и дома» Полевой указывает его настоящую фамилию и отмечает, что он не был калининцем и пришёл вместе с немцами.

Необходимо сказать несколько слов о зловещей фигуре эсэсовца, заставившего доктора Трешникову присутствовать на казни её свёкра и других патриотов-подпольщиков на центральной площади Верхневолжска, сцену которой для кинофильма «Доктор Вера» снимали на площади Революции в Калининне.

Кадр из фильма «Доктор Вера». Сцена присутствия на казни патриотов главной героини, которую заставил там быть руководитель гестапо города, чтобы скомпрометировать для возможной вербовки.

За этой фигурой стоял, ни много ни мало, сам оберштурмбанфюрер СС **Ойген Карл Штеймле**, руководитель зондеркоманды **07-а** (ЗК-7а). Зондеркоманда-07а прибыла в Калинин 28 октября и разместилась сначала на Советской улице, в доме №86, затем в здании во дворе горсовета — в бывшем управлении связи, а ранее экономическом отделе областного архива.

Одной из её целей было изучение структуры и методов деятельности партийных и советских органов власти, состояния сельского хозяйства, здравоохранения, школ и библиотек. Но основной задачей являлся **масштабный террор** против коммунистов, партизан, людей, поддерживавших советскую власть, и евреев. Этой работой ЗК-7а занималась в тесном взаимодействии с секретной полевой полицией (ГФП) и **подразделениями 161-й пехотной дивизии, в остскомендатуру которой, входила Городская управа Калинина.**

В начале повести «Доктор Вера» Б.Полевой вновь обращается к важному для него образу взорванного Старого Волжского моста. Он красочно описывает сцену взрыва красноармейцами транспортно-пешеходного моста через Волгу и уговоров доктора Веры не делать этого, пока не подошёл эвакуационный транспорт (повествование ведётся от первого лица — доктора Веры): *"...поднявшись на ноги, я оглянулась, ядовито-желтое, акрихиновое облако, взметнувшееся в небо, уже рассеивалось, и, будто проявляясь на фотобумаге, все четче проступало кружево прекрасного и гордого нашего моста, на фоне которого, помнишь, по обычаю, снимались на память всем классом выпускники городских школ в день расставания. Это кружево было оборвано, скомкано. Стальные лохмотья опускались почти до самой воды".*³

В повести красавец-мост в городе Верхневолжке взрывают при отступлении наши. А как обстояло дело в реальных боях за Калинин, от прообраза которого отталкивался Полевой, создавая свои произведения? В начале статьи мы в подписи под фотографией разрушенного моста утверждали, что он был взорван фашистами, да ещё и

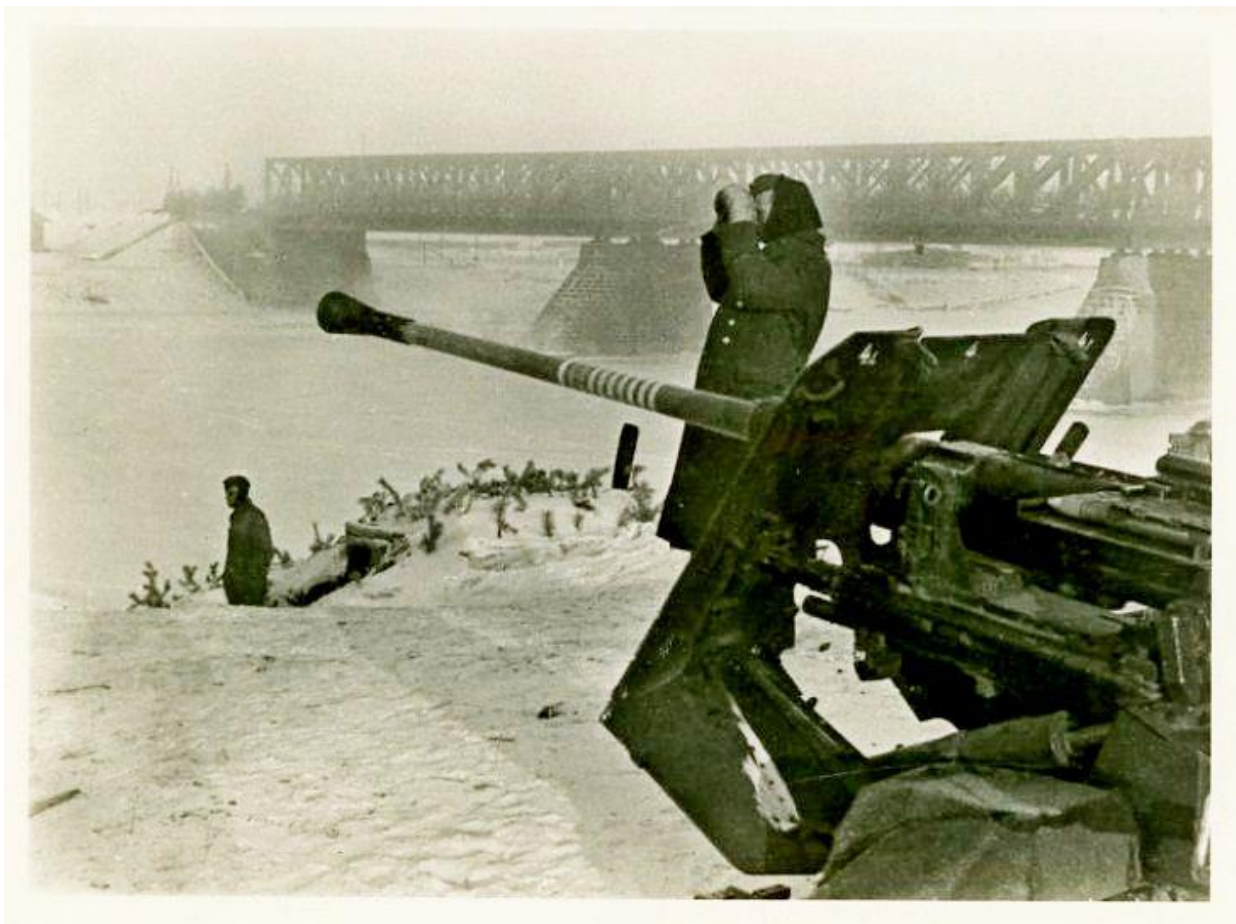
воспринимается нами как символ оккупационного насилия над древнерусским городом. Вдумчивый читатель найдёт здесь противоречие и задаст резонный вопрос: можно ли найти исторические свидетельства данному утверждению?

У нас есть **альбом немецких фотографий**, сделанных во время оккупации Калинина, на которых отчётливо видно (*см. фото внизу*), что немцы переправились по целёхонькому мосту на левый заволжский берег и укрепились там. Так же, как и в районе железнодорожного моста на Пролетарке.

Железнодорожный мост был построен в 1887 г. из металлических ферм Путиловского завода и стал первым железнодорожным мостом через Волгу, в ряду других, более поздних. По нему проходила Николаевская железная дорога из Санкт-Петербурга в Москву, которая после революции стала Октябрьской.

*На снимке: Немецкое орудие и землянка на правом берегу уже покрытой льдом Волги, охраняющие подступы к железнодорожному мосту. На противоположном берегу за мостом — разрушенные корпуса Калининского вагоностроительного завода. Слева, в районе пригородного села Дмитровское, в направлении которого смотрит в бинокль немецкий артиллерист, — войска Красной Армии готовятся к контрнаступлению.*⁴

Значит, можно утверждать, что в действительности поспешное отступление и общая неразбериха не дали возможность взорвать ни центральный, ни железнодорожный мосты города Калинина. Переправа через Волгу досталась врагу. Возможно, это было в какой-то степени вызвано и контрмерами, предпринятыми вражеской агентурой в городе перед вторжением немцев.

3. Коллаборационисты

Это языколомкое, трудное в произношении и написании французское слово (*в переводе* - «*сотрудничество*»), так же как и французское судопроизводство времён Второй мировой войны, на русской почве не прижилось. Хотя само явление — **сотрудничество с оккупантами**, влекущее за собой измену Родины со всеми вытекающими отсюда последствиями, как и во всех оккупированных странах, было.

Только по масштабам вовлечённости народа в смиренное взаимодействие с врагами мы оккупированной Европе уступали, и слава Богу.

Но и в этом вопросе было всё у нас, как всегда, жёстко и категорично. Если возмездие, то по полной программе: хватали, публично вешали, «просеивали» в фильтрационных лагерях, давали сроки, расстреливали. Ленинскую гвардию и прославленных красных военачальников не пощадили, то к чему же с пособниками-то церемониться?

Большинство из них было осуждено по ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР: «Ст. 58-3. Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно содействие каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в

состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады».

По сути, делали правильно. Вот только в запале полутонов, как правило, не различали. А ведь от них зависела степень наказания, следовательно — сама справедливость!

Мы обращаемся к этому иностранному термину потому, что его российские аналоги: «предательство», «госизмена», «пособничество» более хлестки и однозначны, не отражают всей сложности и трагичности ситуации, в которую попадали люди, оставленные в фашистском аду на огромных оккупированных территориях.

Понятие **«коллорабационизм»** позволяет выделить в этом отвратительном явлении несколько довольно разных по своей внутренней мотивации обстоятельств:

- вынужденный, частичный, т. н. гражданский коллорабационизм, коллорабационизм по необходимости, из-за желания выжить в чрезвычайных обстоятельствах;

- идейный или осознанный, т. н. военно-политический или чисто военный коллорабационизм как явное предательство — служение врагу с принятием его идей, в его военной форме и с оружием в руках;

- камуфляжный коллорабационизм как прикрытие скрытой борьбы с оккупантами.

Взвешенность, объективность и бескомпромиссность здесь необходимы ещё и потому, что, как пишет **В.А.Гаврилов**, полковник в отставке, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии ГШ ВС РФ: *«Вопросы сотрудничества советских граждан с врагом в период Второй мировой войны в настоящее время приобрели весьма острый и даже горячий дискуссионный характер. Они особенно актуальны в современных условиях, так как многие противоречия и «вызовы» XXI века, в том числе и последствия коллорабационизма, уходят своими корнями именно в годы Второй мировой войны».*

О «своих» коллорабационистах писать очень трудно, больно, но необходимо. Полевой имел мужество это делать, хотя по идеологическим соображениям тему тогда старались не выпячивать. Его отношение к коллорабационизму остаётся неизменным в течение всей его жизни, для него это — нацистская «кунсткамера», экспонатами в которой были белые офицеры и часть дворянства, не признавшие советскую власть.

Известно, что уже в первые дни войны генерал от кавалерии **фон Бескупский** от лица старых белоэмигрантских организаций двадцатых годов, в число которых входил и «Союз русских офицеров» (генерал **Ламкс**), обратился с просьбой к Гитлеру о предоставлении возможности белоэмигрантам принять участие в войне против нашей страны. В этом ему было отказано, но разрешено использование белоэмигрантов в качестве переводчиков и вольнонаёмных. Только в 9-ой армии, ряд подразделений которой в начале наступления на Старицу и Калинин было переподчинено третьей танковой группе группы армий «Центр», служило более 100 белоэмигрантов, именно они подбирали кадры для гражданской системы управления оккупированной территорией, в том числе полицию.

В этом смысле жена репрессированного коммуниста доктор Вера была «лакомым куском» для нацистов как «человек, обиженный советской властью», а значит, по их мнению, готовый служить Третьему Рейху.

Яркой колоритной фигурой, которая в определённой степени вытягивает сюжет повести «Доктор Вера», является актриса Кира Владимировна Ланская. Эта белокурая голубоглазая «богиня», ручки которой целуют немецкие офицеры, — очевидный плод литературной фантазии писателя. Прообраз её нигде не вырисовывается. Да и подобные вне уставные отношения с «неполноценной» славянкой могли стоять карьеры «чистокровным» представителям «высшей арийской расы». Помимо всего прочего, в

действительности, офицерский клуб в Доме Красной Армии так и не был открыт, а к Рождеству немцев уже выбили из города. Образ красотки, поющей на столе знаменитый военных шлягер «Лили Марлен», который пели на всех фронтах той войны, кажется заимствованным из пьесы **Афанасия Салынского** «Барabanщица», поставленной в 1959 г. Театром Советской Армии.

Калининцы, оставшиеся в оккупированном городе, презирали тех, кто поступил на службу к немцам, ели мороженую капусту и картошку с неубранных осенью огородов, собирали колосья на пригородных полях, голодали, но всеми силами старались избежать немецкой регистрации, которая означала принудительные работы или угон в Германию.

Показателен нравственный выбор Ланской, сделанный ею в тюрьме: «Ну, пела для них в кабаре, на столе вон плясала, черт возьми... Ну, принимала подарки - жрала их сласти и коньяк: надо же было жить. Но завербоваться в гестапо?..». Это было не приемлемо. Поэтому она пошла даже на самоубийство, чтобы не лежать в одной могиле со своим мужем-изменником родины.

В книге «Глубокий тыл» и в рассказе «Эти четыре года» Б.Полевой выводит весьма отрицательный образ «музейного деятеля» и «советника по культуре». Очень подробно и карикатурно описывает его внешность и привычки: личина предателя должна породить негативные чувства. Автор подчёркивает несоразмерность его фигуры – очень высокий рост и маленькую голову, длинные руки с когтистыми пальцами, униженными старинными перстнями, манеру креститься на давно закрытые церкви — весьма точный портрет реальной фигуры, которая была автору знакома по довоенному Калинин.

В следственных материалах тверских коллаборационистов в отдельную папку выделено дело некоего **Сергея Николаевича Юренева** (Архивное дело 7809, ф. 58-1а ус, л.л. 78, 78-об. Тверской центр документации новейшей истории). С.Н.Юрнев (1896–1973) в мирное время был научным сотрудником Калининского областного музея и преподавателем Калининского педагогического института. В военное — стал руководителем отдела народного образования Городской управы оккупированного Калинина. О Юрневе Полевой пишет уже 26 декабря 1941 года в статье «Предатели», опубликованной в газете «Правда».

С.Н. Юрнев. Город Бухара. Конец 60-х годов.

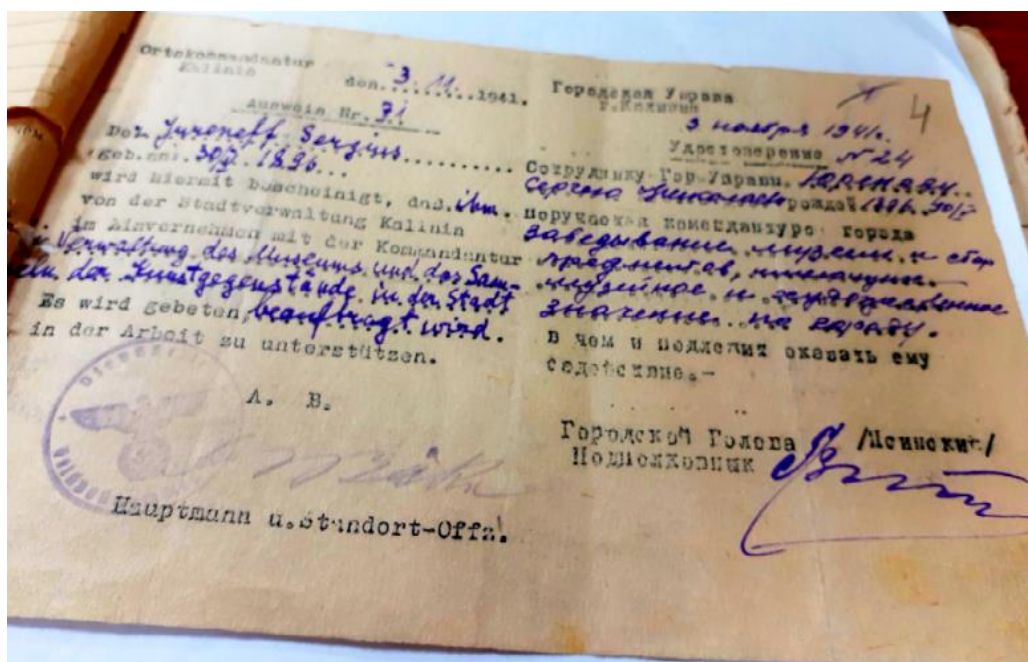
Именно он написал агитационную листовку и статью аналогичного содержания («За что вы сражаетесь, красноармейцы») в газету Городской управы

«Тверской вестник». В повести «Доктор Вера» она называется «Русское слово». Редактором этой газеты был бывший секретарь Калининского областного музея — **Константин Иванович Никольский**. В Городской управе он числился сотрудником отдела пропаганды.

Юренив принадлежал к известному провинциальному роду дворян Юренивых. Отец **Николай Николаевич Юренив** в чине статского советника служил управляющим Витебским отделением Государственного банка. Мать — итальянская графиня **Каролина Россели**. Их близкий родственник **Петр Петрович Юренив** был членом Государственной думы Российской империи II созыва от партии кадетов. После прихода к власти большевиков вёл контрреволюционную деятельность. Затем иммигрировал за границу.

С июля 1920 г. С.Н.Юренив жил и работал в Твери, занимался преподавательской, музейной и научной работой в различных учреждениях.

За сотрудничество с нацистами он был задержан органами НКВД уже 17 декабря 1941 года. В 1942 г. был судим военным трибуналом Московского округа по ст. **58.1 а** — измена Родине ⁴ (дело 7809 с, Архив Тверского центра документации новейшей истории). В обвинительном заключении по делу Юренива говорится о том, что, будучи военнообязанным, Юренив сознательно остался в оккупированном городе, имел близкие отношения с высокими военными чинами гитлеровской армии, передал им **имеющие большую ценность картины из фондов музея**. Осуждён на 10 лет с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества. После вынесения приговора отбывал наказание в исправительно-трудовом лагере в Горьковской области. После освобождения, ввиду запрета на проживание в больших городах РСФСР, поселился в Бухаре. Умер в 1973 году. Реабилитирован в 1992 году прокуратурой Тверской области — заместитель прокурора Тверской области, старший советник юстиции **А.А.Кузнецов**.

Аусвайс С.Н.Юренива из следственного дела, хранящегося в Тверском центре документации новейшей истории. Фото Е.Е.Радчук.

⁴ Ст. 58-1а. Измена Родине, т.е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, караются высшей мерой уголовного наказания -- расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах -- лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества.

В ноябре–декабре 1941 года, 161-я пехотная дивизия участвовала в убийствах и депортациях гражданского населения города Калинина. 29 ноября состоялось совещание, на котором присутствовали командир зондеркоманды 7а (Sk-7a) оберштурмбанфюрер СС **Штеймле** командир 161-й пехотной дивизии генерал-майор **Рекке** и офицеры местной комендатуры. На совещании обсуждался вопрос о выселении гражданского населения города в специальный лагерь, в котором планировалось содержать военнопленных и гражданских лиц. Было принято решение о «частичной депортации» жителей города.

По данным швейцарского историка **Кристиана Герлаха**, в результате этих действий, 23375 жителей города были депортированы в Германию, 40800 гражданских и 17000 военнопленных были убиты. После освобождения города Красной Армией, в Калинин оставалось всего 16 000 человек.

Главный научный сотрудник Тверского государственного объединённого музея **С.А.Герасимова** критически оценивает данные К.Герлаха: мол, они соответствуют потерям целой Калининской области, а не города Калинина. В своей статье она даёт следующие цифры: перед войной в Калинин жило около 200 000 человек, самый большой исход беженцев из города — стихийная самоэвакуация в ночь с 12 на 13 октября 1941 г. составила примерно 100 000 жителей, в оккупированном городе осталось около 30 000 человек. Довоенную численность своего населения Калинин восстановил в 1950 г.⁵

По данным Комиссии по установлению и расследованию злодеяний, совершённых захватчиками, в Калинин за время оккупации было умерщвлено фашистами — свыше 400 гражданских лиц; обнаружено более 200 трупов замученных военнопленных-красноармейцев; 200 жителей угнано на каторжные работы в Германию. А всего от бомбёжек, расстрелов и отсутствия медицинской помощи погибло свыше 2000 мирных граждан.

После освобождения Калинина милицией, управлением НКВД, Особым отделом Калининского фронта было арестовано, в первую очередь, за сотрудничество с оккупантами — более 1000 человек.⁶

Советский военный корреспондент Б.Н.Полевой принял участие в работе Международного военного трибунала в Нюрнберге, который сразу же отделил нацизм и его вождей от немецкого народа. Испытывая огромное чувство презрения и ненависти к фашистам, Полевой постоянно держит курс на интернационализм. «У них пять миллионов за Тельмана голосовало!» - пишет он в повести «Доктор Вера». В романе «Глубокий тыл» создаёт замечательный образ молодого антифашиста Курта, который спасает нашу разведчицу Женю Мюллер, а потом переходит на сторону Красной Армии и воюет с нацистами за свободу своей родины. К сожалению, отождествить эти персонажи Полевого с реальными людьми пока не удалось.

16 марта 1978 года «за создание произведений, правдиво отображающих героические и трудовые подвиги калининцев в годы Великой Отечественной войны и мирного труда, большой вклад в развитие города и в связи с 70-летием со дня рождения» Борису Полевому было присвоено звание «Почётный гражданин города Калинина». В 1983 году его именем названа улица в Первомайском посёлке города Твери, а 16 декабря 2006 года на доме, где жил писатель, установлена мемориальная доска.

В память об участниках Великой Отечественной войны каждый год 9 мая по улицам Калинина-Твери проходит шествие Бессмертного полка. По традиции, перед колонной горожан ветераны боевых действий и участники вооружённых конфликтов — наследники воинов Великой Победы несут Знамя Победы как символ единства и доблести народов СССР, как гордую память о героях и тружениках прошедшей войны, как крылья надежды на мир и спокойствие планеты Земля в грядущем.

**Современники, их свидетельства:
Судьба «Пролетарки» в семейно-родовой памяти Бориса Полевого и
авторов этого повествования**

*«Землякам, рабочим «Пролетарки», среди которых
прошли мои детство и юность — с любовью».
Посвящение Борисом Полевым (Камповым) романа «Глубокий тыл».*

Этим посвящением писатель подчёркивает кровную связь с «Пролетаркой» и своё глубокое уважение к землякам. Он родился в Москве, но своей настоящей отчиной считал Тверь (Калинин). Поэтому авторам представленной работы Борис Полевой близок ещё и этой, локализованной до одного городского района, малой Родиной, потому что наши семейно-родовые корни тоже напрямую связаны с Пролетаркой.

Пролетарка — это ведь не только комплекс промышленных заводских и жилых зданий для рабочих и инженерно-технических работников из крепкого красного кирпича, который называли «**Морозовским городком**» по имени их создателей и владельцев — русских заводчиков-старообрядцев Морозовых. Помимо бывшей **Морозовской хлопчато-бумажной мануфактуры**, Пролетаркой стал после революции и целый район (Твери) Калинина. На картах города он так и обозначен — Пролетарский, в разговорно-бытовом варианте — «Пролетарка».

Подчеркнём, Морозовы были старообрядцами. **История старообрядчества и его роль в Октябрьской революции** — увлекательная и малоизученная тема исследований отечественной истории. Специалисты в этой области пришли к оригинальному выводу: многовековые поиски России заветных форм социальной справедливости уже нашли своё реальное воплощение в **социалистической модели бытия** задолго до захвата власти большевиками — у русских старообрядцев-промышленников. Это утверждение позволяет нам по-новому взглянуть на историю и функционирование Морозовской мануфактуры в Твери, где **Варвара Морозова** создала не только фабрику, оборудованную по последнему слову техники, но и знаменитый благоустроенный городок для рабочих с казармами, клубом, школой, больницей — дореволюционный социальный проект, который заработал на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. свой заслуженный приз.

Кстати, тверские Морозовы были единственными, кто брал работников не из старообрядческой среды, чем и поплатились.

Морозовский городок стоит на правом берегу реки Тьмаки. А на левом в начале 20-х годов в срубленной сосновой роще советская власть построила свой комплекс зданий — добротные двухэтажные бревенчатые дома с большими окнами для рабочих знаменитой фабрики уже социалистического призыва. В одном из этих домов №12/12 нового **Первомайского посёлка** и поселилась семья **Бориса Кампова**, когда он после окончания техникума стал работать технологом на одной из фабрик — текстильной фабрике промышленного комплекса «Пролетарки».

На снимке: Так выглядит мемориальная доска на доме в Первомайском посёлке, где жил в 30-х годах прошлого столетия Борис Николаевич Кампов.

Осипов Владимир Глебович: Воспоминание «Эхо войны»

Лично мне всё это знакомо не по книгам и не понаслышке. А хотя бы потому, что довелось появиться на свет на Пролетарке в конце войны, в 1944 г. в родильном отделении именно той больницы, которую построила для своих рабочих Варвара Морозова, и после жить в Твери вот уже 77 лет, за исключением времени проживания с отцом в гарнизонах Ленинградского военного округа и своей трёхгодичной военной службы в Подмосковье.

Мой прадед **Илья Андреевич Ратников** ещё до революции уехал в город и стал работать помощником мастера на Морозовской мануфактуре, где и умер в 1920 году. Вслед за ним, в 1924 г. мой дед по матери **Николай Ильич Ратников** перевёз в Тверь свой дом из родной деревни Чадово, которая находится в устье Тьмаки в 20 км вверх по Волге. Поставил его на левом берегу реки Тьмаки на улице Сосновой и поселился в нём со своей семьёй. Это в 10 минутах ходьбы от дома Бориса Кампова.

Детство и юность я прожил в доме деда, его не зная, потому что за год до моего рождения он погиб на фронте.

Одним словом, Пролетарка, Первомайский посёлок и Первомайская роща — оставшаяся малая часть соснового массива, что тянулся вдоль Тьмаки от юго-западной окраины средневековой Твери до Жёлтикова монастыря, были после войны моим районом. Так же как до войны — районом Бори Кампова.

Мы — дети войны, поэтому мои первые детские впечатления связаны с ней. В первые послевоенные годы, чтобы прокормиться, моя бабушка **Надежда Ивановна** по мудрой деревенской привычке держала корову и свинью. Она со своей 22-летней дочерью **Катей**, моей будущей мамой, в октябре 1941 г. вместе со всеми уходила пешком в эвакуацию по Волжскому мосту. Когда вернулась, застала наш, деревянный в четыре окна по фасаду, дом разграбленным, но не сгоревшим. В нём можно было жить, греться у большой русской печки и держать в сарае скотину. После немцев, которые были в доме на постое, помимо грязи, остались две вещи: фарфоровая суповая тарелка, с раскинутым вытянутыми чёрными крыльями орлом на тыльной стороне, и плоский немецкий штык.

Будучи маленьким, я не только дотронуться — смотреть на него боялся. Особенно

после того, как этой боевой крупновской сталью забили на мясо нашего поросё, на моих глазах.

Фото того самого немецкого итыка. Моя мама, пряча его от нас с братом, в целях безопасности, засунула итык под застреху. Когда туда стала попадать вода, он заржавел, так же как и упомянутый ниже пистолет «ТТ».

Вторая картина, навеки оставшаяся в памяти, это — почерневший от сажи, с зияющими проёмами окон, **остов главного четырёхэтажного корпуса** ткацкого производства на Пролетарке. Именно такой, каким его описал Полевой в романе «Глубокий тыл».

Помнится, до 60-х годов прошлого века в четырёхугольнике домов инженерного состава Морозовской мануфактуры на красно-кирпичной боковине сарая с видом на нынешний проспект М.И.Калинина проступал яркий лозунг белилами **«Всё — для фронта, всё — для победы!»**.

Долгое время война не хотела оставлять наш дом. Однажды я, начитавшись «Приключений Тома Сойера», сам приступил к поиску кладов в дедовском саду. Почему-то уверенно пошёл в самый дальний угол к бревенчатой стенке соседского сарая и стал копать. Копнул раз, другой — лезвие лопаты приподняло какую-то истрёпанную сандалину из кожи. Но для этой лёгкой обуви «клад» был слишком весом. Ещё один гребок лопаты и предо мной предстало завораживающее для послевоенного мальчугана зрелище: **заржавленный тяжёлый пистолет «ТТ»** в полуистлевшей кобуре.

Видимо, какой-то командир осенью 1941 г., пытаясь спастись в окружении, впопыхах, без надлежащей укрывки и смазки, закопал своё личное оружие и скрылся. Так оно и пролежало в земле до 1954 года.

Мама не обрадовалась кладу, обрётённому её сыном. Она по-женски, двумя пальцами взяла эту боевую машину, вышла задними воротами на Тьмацкий вал и выбросила «ТТ» в реку. Признаться, потеря расстроила меня до слёз...

Война прошла по всем семьям и родам, по нашим тоже. В 2012 г., будучи уже преподавателем философии и сотрудником Управления аспирантуры и докторантуры Тверского государственного университета, я, собравшись с духом, закончил работу **«Род Осиповых-Ратниковых в Великой Отечественной войне»**, которая была начата в моей книге «Вечные ценности семейной жизни» (Тверь, 2007).

Текст этой работы был опубликован накануне Дня Победы 6 мая 2018 г. на сайте Петровской академии наук и искусств в виде научной статьи с большой подборкой фотографий воевавших родственников, членов нашего рода. Под ней я поставил новую подпись: *Вице-президент Петровской академии наук и искусств и председатель Тверского регионального отделения ПАНИ.*

См.: <http://петрани.рф/новости/родословный-очерк-«род-осиповых-ратниковых-в-великой-отечественной-войне»>. К декабрю 2021 г. данная публикация получила 1183 просмотровых посещения.

Этим был отдан сыновний долг моему воевавшему роду. Краткое же воспоминание об эхе войны, что до сих пор звучит в наших душах, а также описание территории «совместного проживания» с героями Полевого и с их прототипами это — исполнение гражданского долга по отношению к ним, да и ко всем воевавшим на нашей стороне людям!

Радчук Елена Евгеньевна: Биографический очерк «Моя семья»

Нет человека в Твери, чья семейно-родовая история, так или иначе, ни была бы связана с «Пролетаркой»! Морозовская хлопчато-бумажная мануфактура, как в дореволюционном, так и в советском наряде, всегда была для нас кормилицей и матушкой. После русско-японской и германской войн она пригрела двадцатилетних вдов с детишками на руках: Морозовы принимали их на работу, давали кров и выплачивали пособия за погибших мужей и отцов. Потом, в советские времена писали, что «эксплуататоры Морозовы использовали детский труд». Хотя на правом торце 70-ой казармы (Париж) до революции находилась благодарственная надпись от рабочих, посвящённая Варваре Алексеевне Морозовой.

Поселилась в Морозовском городке в 15-ой и 29-ой казармах и наша семья, после того как один мой прадед погиб в Порт-Артуре, а другой попал под газовую (ипритовую) атаку в Первую империалистическую. Домой он вернулся, но прожил недолго, хотя семья и вынуждена была переехать в деревню, на свежий воздух. Все они были людьми мирных профессий, но был гражданский призыв, и они пошли на войну.

В довоенные и послевоенные годы мой дед по матери **Егоров Федор Алексеевич** был главным механиком ситцевой фабрики «Пролетарка». Коммунист, партийный выдвиженец, он окончил Академию народного хозяйства в Москве. В первые дни Отечественной войны ушёл на фронт, дошёл до Берлина. Его фронтовые награды, в том числе орден «Красной звезды», хранятся в моей семье.

Дед по отцу — **Мальчихин Арсений Георгиевич** был помощником главного механика «Пролетарки», принимал участие в эвакуации фабрики. Он не дожидаясь Победы, умер в 1943 году, открылся туберкулезный процесс, а было ему чуть больше сорока лет. Его младший брат **Михаил**, преподаватель крупного ленинградского вуза, ушёл на фронт из блокадного Ленинграда добровольцем, сняв свою «броню». Я несу его портрет в форме старшего лейтенанта РККА в колонне «Бессмертного полка». Их двоюродная сестра — **Фёдорова Елена Павловна** была «знатной ткачихой», стахановкой, до войны о ней снимали фильмы. А вот в современной истории «Пролетарки» её имени почему-то уже нет. Муж её, военный лётчик, «сталинский сокол» был репрессирован, и стал, видимо, единственным знакомцем с этой горькой долей в нашем роду.

Дед Арсений венчался с бабушкой **Настей** в храме Александра Невского у железнодорожного вокзала, здесь же крестили и отца. Свой дом они построили на Спортивном переулке (немцы сожгли его при отступлении из города).

Отец — **Мальчихин Евгений Арсеньевич** ушёл на фронт мальчишкой, приписав себе возраст, вернулся домой с тяжёлым ранением ноги. Он входит в «Книгу фронтовиков Великой Отечественной войны, вернувшихся домой с Победой».

Наши семьи эвакуировались из Калинина пешком, незадолго до прихода немцев, в колонне беженцев, в направлении на Кашин. Из прифронтовой полосы их вывезли, насколько я понимаю, эвакуопункты, организованные по линии движения беженцев. Мама с бабушкой и братом оказались под Саратовым в поселке Шталь (Республика немцев

Поволжья), другие — в Казахстане.

Мама вернулась в Калинин уже после войны, когда дед пришёл с фронта и сделал для них вызов: просто так тогда в город не пускали. По счастью, их квартира в Первомайском посёлке на Прядыльной улице, дом №3 сохранилась, пусть разграбленной и опустевшей, но крепко стоящей. Если дом или квартира были повреждены, людям давали направление на жительство в другие города. Поэтому младший брат бабушки — **Петр Алексеевич Кузнецов**, вернувшись с фронта, уехал в Ригу. В его дом на проспекте Калинина попал снаряд, и у квартиры не стало стены. А был он инженером-автомобилистом, комсомольцем, коммунистом, строил Братск и Комсомольск на Амуре.

Хочу сказать ещё несколько слов о Морозовых. **Варвара Алексеевна Морозова (Хлудова)** умерла в начале сентября 1917 года, за два месяца до начала Октябрьской революции. Свои пай **Товарищества Тверской Мануфактуры** она завещала своим рабочим. Все средства Морозовых, также, как и сбережения ее работников (на руки выдавали только половину зарплаты), хранились в созданном Морозовыми Купеческом банке, и были переведены до национализации в Великобританию. Душеприказчиком матери был её сын **Иван Абрамович Морозов**. В мемуарной литературе есть сведения о том, что в 30-е годы он проверял эти счета в английских банках. Имя тверских Морозовых, по моим данным, числится в списке промышленников-староверов, давших до революции заем правительству США. Как член Совета ТО ВООПиК я неоднократно говорила на совещаниях, конференциях и круглых столах о том, что по нормам международного права завещание Морозовой по сей поры является действующим. Следовательно, юридически может быть востребовано в Россию.

Работая над темой «Оккупация и освобождение Калинина», я просмотрела огромный объём информации: архивные материалы, мемуарную литературу, в том числе воспоминания немецких солдат и офицеров, свидетельства очевидцев событий тех лет. На это ушло порядка года, практически вся эпидемия COVIDa третьей волны. Мне было просто не до неё. Очень трудно было обрабатывать архивные материалы: протоколы допросов написаны чернилами от руки, печатных документов крайне мало, в основном это справки. Часто приходилось сидеть с лупой, чтобы разобрать текст. Результатом этой большой работы стала статья **«О культурных ценностях, похищенных и утраченных в период Второй Мировой войны: Калининский краеведческий музей. (Свидетельствуют архивные документы)»**, которая была опубликована в журнале «Вестник Петровской академии» (№3-4(57) за 2020 г., а также на сайте Петровской академии наук и искусств.

Какие чувства испытывала при этом? Боль. Очень сильную душевную боль. Я ведь родилась в Калинине. Помню рассказы мамы об этом времени: как копали окопы, как под бомбежкой уходили из города, как тащились пешком в колонне беженцев... Самое яркое воспоминание тех лет — то, как она с девчонками-сандружинницами тащила на плащ-палатке раненного летчика. До конца дней вспоминала, какой он был тяжёлый. Ей было тогда 13 лет.

А свекровь оказалась в партизанской деревне в Калининском районе. Каратели согнали в морозы всех жителей деревни в старый амбар. Ей было также всего 12 лет, с ней была мать и две сестрёнки. Когда через три дня удалось выбраться, их дома уже не было, одни дымящиеся головешки... Амбар был обложен сеном, их собирались сжечь, живём. Трагической развязке помешало наступление Красной Армии в районе Савино и Львова.

Сегодня известно, что в Калинине и в Калининском районе зверствовала зондеркоманда ЗК-7а под командованием оберштурмбанфюрера СС Ойгена Карла Штеймле.

Книги Бориса Полевого любила и люблю с той поры, как мы стали их изучать в школе. Особенно «Повесть о настоящем человеке». Очень жаль, что до

сих пор в городе нет **литературной квартиры Полевого**.

5. Небольшая, но необходимая концовка

Нашу работу можно рассматривать как **литературно-критическую статью**, может быть, как **часть тверского литературного краеведения**, или как исследовательский **исторический очерк** об одном из эпизодов Великой Отечественной войны. Но нам самим она представляется, скорее, **философским размышлением** на основе исторических и литературных фактов о самом сложном и самом важном: о сути человека, о его возможностях, о характере поведения в чрезвычайных обстоятельствах, если хотите — о библейской борьбе его исходного божественного начала с кознями врага рода человеческого... Этот **человековедческий посыл** мы находим и в книгах Бориса Полевого.

В центре Твери на доме № 9, что на Тверском проспекте, там, где магазин с иностранной вывеской «Рив гош», висит скромная мемориальная доска: «*В этом доме с 1939 по 1941 год жил Борис Николаевич Полевой*». Проходя мимо, поклонитесь его памяти! Он навсегда останется для нас **настоящим**, как и его герои, **человеком** и замечательным советским писателем.

Литература:

1. *Полевой Борис*. Глубокий тыл. - Калинин, Обл. кн. из-во, 1961, с. 12.
2. См. сборник: *Город-фронт — город воинской и трудовой славы*. Историко-публицистический труд. - Тверь: ООО «Изд-во Волга», 2016.
3. *Полевой Борис*. Доктор Вера. - Л.: Лениздат, 1980, с. 6.
4. См.: *Шумилин Александр*. Ванька-ротный. Дневник солдата. - Москва: Изд-во АСТ, 2020. В этих, потрясающих честностью солдата и правдой документа, воспоминаниях командира роты на Калининском фронте рассказано о позиционных боях в устье Тьмы в 20 км вверх по Волге, о наступлении в районе Эммауса через разбитый взрывами лёд и освобождении станции Чуприяновка, в которых ему привелось участвовать.
5. *Герасимова С.А.* Численность населения города Калинина в годы войны и масштаб репрессий оккупантов против горожан: Вынужденная дискуссия. - «Вестник Тверского гос. ун-та». Серия «История», 2020, №2(54). С.150-164.
6. Там же, с. 160.

Осипов Владимир Глебович, вице-президент Петровской академии наук и искусств, председатель Тверского регионального отделения ПАНИ, профессор и академик ПАНИ, руководитель Тверского научного центра комплексного изучения человека.

Радчук Елена Евгеньевна, независимый исследователь, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, председатель контрольно-ревизионной комиссии Тверского регионального отделения ВООПИиК.

1 сентября — 15 декабря 2021 года, город Тверь